
Когнитивное смирение и научный прогресс*

© 2020 г. О.Е. Столярова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки»,
Москва, 105062, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2.

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Поступила 20.02.2020

Статья представляет собой попытку ответить на вопросы: что такое когнитивное (научное) смирение? Является оно добродетелью или пороком? Я рассматриваю выделенные И.Т. Касавиным проявления когнитивного смирения в двух контекстах – нормальной науки и революционной науки. Такие когнитивные добродетели, как поиск обоснования, знание как доверие (знание через свидетельство), признание ограниченности знания, самоотверженность, могут работать на пользу как нормальной, так и революционной науки. Победившая научная парадигма задним числом оправдывает своих творцов, превращая их в рыцарей без страха и упрека. Соответственно, проигравшая научная парадигма во многом обесценивает добродетели тех, кто ее отстаивал. Я прихожу к выводу, что положительная и отрицательная оценки фактов когнитивного смирения зависят от нашего отношения к «норме» и «революции», от нашей интерпретации прогресса. Я ставлю вопрос о том, можно ли приписать Т. Куну те добродетели когнитивного смирения, о которых говорит И.Т. Касавин. Со стороны внешнего исторического наблюдателя Куну нельзя отказать в тех когнитивных добродетелях, которые Касавин связывает с нормальной наукой. Несмотря на это, Кун совершил переворот в социогуманитарной мысли, пополнив ряд ученых-«революционеров». Это означает, что проявления когнитивного смирения столь же легко вписываются в контекст «революции», как и в контекст «нормы», и ретроспективно оцениваются как положительно, так и отрицательно в зависимости от наших предпочтений.

Ключевые слова: эпистемология, парадигма, научные революции, когнитивное смирение, этика науки.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-139-142

Цитирование: *Столярова О.Е.* Когнитивное смирение и научный прогресс // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 139–142.

* Работа выполнена в рамках проекта «Русского общества истории и философии науки», поддержанного грантом РНФ № 19–18–00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Cognitive Humility and Scientific Progress*

© 2020 Olga E. Stoliarova

Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”,
1/36, bd. 2, Lyalin lane, Moscow, 105062, Russian Federation.

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Received 20.02.2020

What is cognitive (scientific) humility? Is it a virtue or vice? We consider the manifestations of cognitive humility highlighted by I.T. Kasavin, placing them in two contexts – normal science and revolutionary science. Such cognitive virtues as the search for justification, knowledge as confidence (knowledge through testimony), recognition of the limitations of knowledge, and selflessness can work to the benefit of both normal and revolutionary science. The victorious scientific paradigm retroactively justifies its creators, turning them into knights without fear and reproach. Accordingly, the losing scientific paradigm in many respects devalues the virtues of those who advocated it. We come to the conclusion that a positive or negative assessment of the facts of cognitive humility depends on our attitude to the “norm” and “revolution”, on our interpretation of progress. We also raise the question of whether the virtues of cognitive humility described by I.T. Kasavin can be attributed to T. Kuhn. From an outside historical observer, Kuhn cannot be denied the cognitive virtues that Kasavin associates with normal science. Despite this, Kuhn made a revolution in socio-humanitarian thought and joined the ranks of “revolutionary” scientists. This means that manifestations of cognitive humility fit as easily into the context of the “revolution” as into the context of the “norm” and are retrospectively evaluated both positively and negatively depending on our preferences.

Keywords: epistemology, paradigm, scientific revolutions, cognitive humility, ethics of science.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-139-142

Citation: Stoliarova, Olga E. (2020) “Cognitive Humility and Scientific Progress”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2020), pp. 139–142.

Смирение вообще и когнитивное смирение в частности являются добродетелями тогда, когда они уместны, и быстро превращаются в недостатки, если не отвечают требованиям обстоятельств. Любая декларируемая добродетель оборачивается пороком, если она не взвешена на весах здравого смысла, который служит своего рода мерой, или гештальтом, позволяющим оценить добродетель холистически и ситуативно, с учетом обратной связи между добродетельным поведением и его контекстом. Вера способна обернуться фанатизмом, смирение – трусостью и конформизмом, смелость – беспечностью и безрассудством, упорство – упрямством. И даже следование категорическому императиву – наиболее формальная из всех возможных добродетелей – не может избежать давления обстоятельств и холистической оценки, учитывающей эти обстоятельства (вспомним, например, дискуссии о том, допустимо ли в рамках кантовской этики солгать гестаповцу, скрывая еврейское дитя [Varden 2010]).

Перечисленные И.Т. Касавиным проявления добродетели когнитивного смирения могут работать на пользу нормальной науки и революционной и, соответственно,

* The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation, No. 19–18–00494 “The mission of the scientist in the modern world: science as a profession and a vocation”.

оцениваться как добродетели или, напротив, пороки, исходя из общего контекста и предпочтений «нормы» или «революции». Можно упорно заниматься поиском обоснования знания, но если ретроспективно это знание будет признано обреченным заранее на неуспех в свете новой парадигмы, то такое упорство назовут твердолобым упрямством. У прототипов Симпличио («Диалог о двух главнейших системах мира») были серьезные основания усомниться в том, что новомодное устройство – телескоп, предоставляет надежное свидетельство против проверенных веками положений физики Аристотеля и астрономии Птолемея. Но симпатии последующих поколений читателей Диалога – на стороне Сальвиати, чьи смелые идеи и методы выиграла историческую битву парадигм. При этом настойчивое стремление Сальвиати (Галилея) найти обоснование новых методов и нового знания оценивается как самоотдача и упорство, а не коsnость и упрямство.

Та же амбивалентность присуща оценкам и других проявлений когнитивного смирения. Знание как доверие – прекрасно, поскольку служит противоядием от тщеславно-го самомнения. Но в ретроспективном анализе развития науки мы интересуемся не самими по себе фактами доверия внутри научных сообществ. Нас интересует то, каким именно теориям, методам и ученым было оказано доверие. Нормальная наука основана на доверии и распределенном знании. Однако ни одна научная революция не могла бы совершиться, если бы новаторы не приобрели сторонников. Научные революции являются не менее коллективными и распределенными феноменами, чем сотрудничество и конвенции, которые осуществляются в рамках нормальной науки. «Парадигма Т. Куна, – отмечает И.Т. Касавин, – яркий пример того, что в истории науки ученые выдают кредит доверия крупным массивам знания и авторитетным персоналиям, а также сами пользуются таким кредитом». Но революции в науке – не менее яркий пример кредита доверия. Вот что пишет Кун о создании революционных научных трудов: «Их создание было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [Кун 1977, 34]. Революционные исследования и публикации нашли отклик у тех, кто был готов к переменам, и «обращение» в новую парадигму совершилось. «И нормальная наука, и научные революции являются... видами деятельности, основанными на существовании сообществ» [Там же, 231]. Следовательно, революция тоже питается когнитивными добродетелями, которые Касавин соотносит с парадигмальной стадией развития науки.

Проявления когнитивного смирения так же легко вписываются в контекст «революции», как и в контекст «нормы», и ретроспективно оцениваются как положительно, так и отрицательно в зависимости от общей позиции. Новаторы-революционеры зачастую так же проявляют самоотверженность, преследуя истину, как и охранители-консерваторы. Но если мы занимаем охранительную позицию, то когнитивная самоотверженность новаторов вряд ли будет оценена нами положительно. И наоборот, если мы – новаторы, то мы осудим добродетели консерватизма как псевдобродетели. Для наших оценок оказываются важны не когнитивные добродетели как таковые, а научные результаты, на службу которым эти добродетели поставлены (о роли ценностей в научном исследовании см.: [Антоновский 2018; Касавин 2019]).

Согласно Касавину, когнитивное смирение обеспечивает накопление знания и научный прогресс. Отчасти это так. Речь идет о той самой части, которая удовлетворяла позитивистов, но не Куна. «Структура научных революций» – это работа, полемически заостренная Куном против господствовавшей в то время в философии науки парадигмы позитивизма. Согласно Куну, позитивистская модель развития науки абсолютизировала роль фактов и логики в развитии научного знания. «Развитие науки при таком подходе – это постепенный процесс, в котором факты, теории и методы слагаются во все возрастающий запас достижений, представляющих собой научную методологию и знание» [Кун 1977, 24]. Постепенное накопление знания имеет место только в рамках нормальной науки. Но наука развивается скачкообразно, посредством

революций и смены парадигм. Позитивизм абсолютизировал фазу нормальной науки, тогда как развитие науки представляет собой более сложный и причудливый процесс, содержательно связанный с нелинейной эволюцией общества и культуры (см. об этом подробнее: [Куслий 2019, 130]). Научное знание в своем развитии постоянно «выплескивается» за пределы парадигм. Если мы положительно оцениваем такого рода прогресс, то и способствующие ему когнитивные добродетели тоже заслуживают положительной оценки и будут признаны нами подлинными добродетелями.

Обладал ли Кун теми добродетелями когнитивного смирения, о которых говорит И.Т. Касавин? Со стороны внешнего исторического наблюдателя Куну нельзя отказать ни в одной из перечисленных И.Т. Касавиным когнитивных добродетелей. Кун стремился к обоснованию своей точки зрения, постоянно дорабатывая свою теорию научных революций, вступал в содержательную полемику со своими оппонентами, ссылаясь на авторитеты и т.д. И несмотря на этот набор когнитивных добродетелей, Кун совершил революцию в социогуманитарной мысли, вдохновив новые направления и школы в философии, истории и социологии науки. Оценка этических фактов научной деятельности Куна как проявлений когнитивных добродетелей или, наоборот, псевдобродетелей зависит от того, как мы оцениваем вклад Т. Куна в развитие мысли. Предположу следующее: если мы ссылаемся на работы Куна как на фундаментальные по отношению к нашим собственным рассуждениям, то мы оцениваем его вклад положительно.

Для возможных читателей-ригористов хочу отметить: я не отрицаю абсолютный характер добродетелей вообще и когнитивных добродетелей в частности, но лишь говорю, что универсальных критериев их определения, судя по всему, ни наука, ни философия пока не выработали.

Источники – Primary Sources and Russian Translations

Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977 (Kuhn, Thomas S., *The Structure of Scientific Revolutions*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Антоновский, Бараш 2018 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. О науке Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 174–188.

Касавин 2019 – Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 6–19.

Куслий 2019 – Куслий П.С. Является ли наука эпистемически автономной? Современные проблемы и дискуссии в социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. С. 116–132.

References

Antonovski, Alexander Yu., Barash, Raisa E. (2018) “Max Weber on science: reception and perspectives”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, No. 4, pp. 174–188 (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2019) “Virtue Epistemology: On the 40th Anniversary of the Turn in Analytical Philosophy”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, No. 3, pp. 6–19 (in Russian).

Kusliy, Petr S. (2019) “Is Science Epistemically Autonomous? An Overview of Some Contemporary Discussions”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, No. 1, pp. 116–132 (in Russian).

Varden, Helga (2010) “Kant and Lying to the Murderer at the Door... One More Time: Kant’s Legal Philosophy and Lies to Murderers and Nazis”, *Journal of Social Philosophy*, Vol. 41, No. 4, pp. 403–421.

Сведения об авторе

СТОЛЯРОВА Ольга Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки».

Author’s Information

STOLIAROVA Olga E. – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”.